
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. В. КОЛБАНОВСКОГО: ВОСПОМИНАНИЯ РОДНОЙ СЕСТРЫ ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА ЗОРИНОЙ

К юбилею со дня рождения Варлена Викторовича Колбановского я хотела бы поделиться своими воспоминаниями о детстве, юности и общении с моим родным братом.

Варлен родился в семье профессора Виктора Николаевича Колбановского и его жены Раисы Михайловны Немировской. Его родители по образованию медики. А затем отец, окончив Институт Красной профессуры, стал директором Института психологии, занимался философией с перерывом на военные годы, когда по собственному желанию, имея бронь, пошел на фронт лечить раненых по своей первой специальности.

Наше детство с Варленом протекало в Москве, в большой коммунальной квартире со многими соседями. И, как говорится, на всех одна уборная, один туалет. Соседи жили друг с другом не всегда ладно. Поэтому с детства ничего особенно радостного не запомнилось. Между людьми всегда бывают и ссоры, и скандалы. Но наша семья старалась в этом участие никогда не принимать, потому что все занимались своим делом.

Варлен очень хорошо учился в московской школе, где преподавали великолепные педагоги. Часть из них после войны перешла в женскую

школу, где училась я, и продолжила мое образование. В школе Варлен увлекался различными предметами, был очень начитанным, даже по сравнению с одноклассниками, много занимался мной, маленькой девочкой, которая моложе его ровно на десять лет.

Перед самой войной наша семья поехала на юг отдохнуть летом в город Геленджик. И там по радио объявили о начале войны. Мне было около пяти лет, брату — около пятнадцати. Наша мама очень деловая, сообразительная женщина быстро сориентировалась и с пляжа, в чем была, побежала в сберкассах снять деньги. Иначе ни наша семья, ни знакомые не смогли бы уехать в Москву. Мама договорилась с соседями, которые раньше нас возвращались в Москву, и меня поручила им. Меня втолкнули в окошко вагона, потому что к дверям было не протолкнуться. И они отвезли меня в Москву. А мама с Варленом и остальными родственниками приехали через несколько дней. Папа ушел на фронт, а наша семья, родственники, мама, Варлен и я уехали в эвакуацию в Казань.

Это было трудное время, но Казань, ее люди приняли нас очень хорошо. Я тогда по малолетству не понимала, что значит жить у чужих людей, спать на полу, питаться очень скромно, более чем скромно. Мама отдала меня в садик, а Варлен пошел учиться в школу. Запомнился голод, потому что продукты было трудно доставлять в Казань. Реку, по которой шел транспорт, бомбили. Поэтому мы все были почти голодные. Особенно доставалось Варлену — пятнадцати-шестнадцатилетнему подростку.

Бесконечно он хотел кушать и молчал, грустный, подавленный, читая книги. Мама пошла на такую хитрость: научила его курить самокрутку, чтобы не чувствовал голода. А потом жена академика Абрикосова, с сыном которой учился мой брат, сказала маме: «Раиса Михайловна, пусть Варлен каждый день приходит к нам с Алешей после школы и питается у нас». Мама была очень гордая женщина, но она поняла правоту жены академика и разрешила Варлену ходить к Алеше и хотя бы получать обед.

Мама пошла работать в военкомат. Сначала простым человеком, а потом председателем Женсовета. Это большой пост по тем временам и огромная помощь армии. За эту помощь мама получила через некоторое время благодарственную телеграмму от товарища Сталина, где он выражает

Раисе Михайловне Немировской благодарность за помощь в сборе денег для производства танков. Телеграмма лежит в нашем семейном архиве. И мы гордимся тем, что мама во время войны, невзирая на голод, холод, маленьких детей, ранение мужа на фронте, смогла помогать людям выживать. Это было самое веское слово — выжить в нечеловеческих условиях. Когда каждый думал только о том, чтобы победить. Мысль о победе была везде: на работе, в школе, в детском садике, на улицах. Люди ждали светлого дня. Он пришел не скоро, но он пришел.

Мой брат прекрасно учился в Казанской школе, один из лучших учеников, участвовал в самодеятельности и выступал в госпитале перед ранеными бойцами. В этот же госпиталь из детского садика привозили и малышей. И мы тоже в пять-шесть-семь лет выступали перед ранеными, у которых не было ног, рук, глаз... Но они внимательно слышали выступления детей, которые читали военные стихи, пели военные песни. И изможденные души оттаивали, радовались, улыбались от такой своего рода психотерапии. Раненые давали нам в благодарность маленькие кусочки сахара. Это я хорошо помню.

Когда кончилась война, мы вернулись из эвакуации в Москву. С фронта пришел папа, и мы встречали знаменитый парад на Красной площади. Мама одела мне красивые бантики, и мы прошли пешком до Красной площади, и стояли у самой трибуны Мавзолея. Я видела Сталина. Я кричала: «Ура!», — вместе со всеми и хлопала нашим воинам!

Когда мой брат достиг призывного возраста, его не взяли в армию по причине врожденного порока сердца. Врачи советовали ограничить физическую нагрузку. Но он, наоборот, всегда старался укреплять сердце двигательной активностью: с друзьями ходил в турпоходы, на лыжах, по рекам на байдарках, в горы, плавал в море...

После школы Варлен поступил в Московский университет на философский факультет, чтобы продолжить линию своего отца. Беседы папы с Варленом были очень интересными. Хотя я ничего не понимала, но внимательно слушала, как они спорили друг с другом, задавали вопросы. Я услышала и запомнила фамилию Маркса, на которого ссылались и папа, и Варлен. Он прекрасно учился в университете и поступил в аспирантуру.

Но годы были трудные: самый конец сталинских лет, когда очень подозрительно относились к разным проблемам человека, к его работе, учебе, национальности... Варлен не мог сразу устроиться на работу, а наш папа придерживался принципа: своим собственным детям не помогать; пусть пробиваются в жизнь сами. А почему он не мог поступить на работу? Пятая графа по национальности, то есть негласный советский антисемитизм.

Тогда Варлен познакомился с адмиралом, фамилию которого я не помню. Он пригласил Варлена читать лекции военным-морякам по философии марксизма. Это была единственная работа, которой Варлен очень дорожил. А когда прошли тяжелые годы, он начал работать в области социологии.

В 1958 году в журнале «Вопросы философии» вышла его статья «О предмете марксистской социологии». Он предложил разделить исторический материализм на общую теорию и область конкретных эмпирических исследований. Это позволило социологии в будущем стать отдельной самостоятельной наукой, а не просто частью философии. Дискуссия, которую начал Варлен, завершилась признанием его правоты лишь в годы перестройки.

У Варлена были великолепные друзья. Очень хороший друг Алеша Абрикосов, еще с эвакуации в Казани, будущий лауреат Нобелевской премии, а в Москве просто ближайший друг со своей женой Татьяной. Богдан Поповский и Виктор Олевский, имеющие большие государственные награды.

Потом все они образовали «Подмосковную Приакадемическую филармонию» — неформальный интеллектуальный кружок, где в 1960–1990-е годы обсуждали альтернативные «разномыслия», занимались выступлениями, чтениями, песнями перед разными людьми в Абрамцеве и у нас на даче в Ватутинках. Как представителя поколения «шестидесятников», Варлена в кругу московских интеллектуалов-физиков и в Филармонии называли Комиссаром. Идеалы Арбата и хрущевской Оттепели, поэзия Булата Окуджавы помогали ему отстаивать свободу

социологической мысли даже в жестких рамках идеологии и вообще общаться с людьми более свободно.

В брежневские времена не всякого человека выпускали за границу, тем более в капиталистические страны. Однажды вместе с советской делегацией ученых-социологов Варлен поехал на международный конгресс в Канаду. И он единственный из всех командированных читал свой доклад на английском языке!

Это был мой любимый брат, и я была у него любимой сестрой. Всё, что мог в жизни доброго, ласкового и мудрого, Варлен сумел привить мне как своей единственной родной сестре. Он научил меня читать, знать и любить русскую и советскую литературу, зарубежную классику. Он привил мне любовь к своему любимому иностранному писателю Чарльзу Диккенсу. Эту любовь мы оба принесли через всю жизнь. Диккенс был для нас не просто английским писателем, но и знатоком человеческих душ, с тонким юмором, который знал жизнь и простых, и богатых людей.

У меня с братом была такая игра. Мы оба хорошо знали героев Диккенса. И когда требовалось охарактеризовать какого-то человека, мы называли имя героя Диккенса. И сразу становилось понятно каждому из нас, о какой черте характера идет речь, что скрыто в данном человеке.

Любовь к литературе побудила меня поступить в Ленинский педагогический институт на историко-филологический факультет. Варлен уделял мне много времени, читал лекции, и я могла понять больше, чем давала профессия в институте. Все это очень пригодилось позже, когда я работала в школе и учила детей, давая им более широкий материал, чем полагалось по программе. Я никогда не забуду помощь брата, потому что это редкий случай — воспитание сестры взял на себя брат. Мама после войны болела и вела большое хозяйство, папа без конца работал, и фактически моим воспитанием, обучением занимался брат Варлен.

Хорошее, доброе отношение друг к другу мы пронесли через всю жизнь. Он рекомендовал меня начальству в Институте социологии, и меня с моим образованием взяли на работу в редакционно-издательский отдел, где я проработала почти девять лет.

Когда я вышла замуж, Варлен помогал мне с первенцем Сережей. Потом он женился на Нелли Андреевне, и у них родился сын Виктор четвертого июня семидесятого года. Дальше мы перезванивались, встречались реже, в основном летом на даче. А где-то в двухтысячных годах я уже больше бывала на даче, а он здесь жил и работал. Ему не надо было каждый день ездить в институт социологии.

Особенно мы дружили с Варленом в последние годы, на пенсии. Мои дети подросли. Варлен жил на даче, к нему приезжал сын Виктор, которого он воспитал очень самостоятельным и с детства много ему читал. Мы жили через стенку на даче, и было слышно, как он учил и развивал своего сына, учил добру, учил понимать книги и относиться к людям с большим вниманием, пониманием, любовью.

Варлен помог очень многим людям из своих знакомых, их детям и внукам поступать в институты и сдавать экзамены. Они приходили к дяде Варлену за умом, и он давал им, что прочесть, что сказать, как подготовиться к экзаменам по марксизму-ленинизму и другим предметам. Все, кто прошел через руки моего брата, благополучно сдавали экзамены и выходили в люди, благодаря при этом дядю Варлена как своего наставника, учителя и педагога, который никогда не считался со временем, чтобы помочь другим.

Варлен занимался и с моими детьми. Особенно любил младшего сына Костю и много раз беседовал с ним на очень интересные темы, в том числе религиозные. Как верующий человек, мой сын пытался что-то рассказать из Евангелий и других книг. И оказалось, что это откликалось в душе Варлена, воспитанного в глубоко советские годы, который был верен Марксу, своему учителю, всегда любил своего учителя Маркса. И, конечно, он хорошо знал атеизм, научный атеизм. Тем не менее его душа откликалась на христианские темы. Однажды он сказал Косте об Иисусе Христе, как-то прищурясь и посмотрев очень глубоко, поднял палец вверх: «Я чту Его как великого учителя нравственности».

Когда мы говорим о многогранной личности Варлена Викторовича Колбановского, нужно, конечно, упомянуть и его отношения с близкими, родными людьми, и его способность десятилетиями, даже, наверное, полвека ладить с друзьями в «Подмосковной Приакадемической

филармонии», и его чуткое сердце, отзывавшееся на чужие беды или просьбы. Мы, конечно, вспоминаем его и как профессионала, глубоко знавшего марксизм. Эта философская база послужила ему основой для развития марксистской социологии, где он весьма преуспел, сделал много публикаций, изучал гражданское общество и социальную структуру.

Варлен имел широкий взгляд на жизнь, богатый менталитет и разбирался в разных проблемах: от бытовых мелочей до геополитики. С ним было интересно и хорошо беседовать на разнообразные темы.

Очень хорошо говорил о Варлене знаменитый кинорежиссер Эльдар Рязанов. В соседнем поселке он купил дачу. Они дружили, ходили друг к другу в гости. Эльдар Рязанов подписывал ему книги, встречали вместе Новый год. И когда Варлена не стало, он сказал о моем брате: «Хороший был парень!»

Вечная память о нем да сохранится!

Елена Викторовна Зорина